

Впрок

Автор:

Андрей Платонов

Впрок

Андрей Платонович Платонов

«В марте месяце 1930 года некий душевный бедняк, измученный заботой за всеобщую действительность, сел в поезд дальнего следования на московском Казанском вокзале и выбыл прочь из верховного руководящего города.

Кто был этот только что выехавший человек, который в дальнейшем будет свидетелем героических, трогательных и печальных событий? Он не имел чудовищного, в смысле размеров и силы, сердца и резкого, глубокого разума, способного прорывать колеблющуюся пленку явлений, чтобы овладеть их сущностью...»

Андрей Платонов

ВПРОК

В марте месяце 1930 года некий душевный бедняк, измученный заботой за всеобщую действительность, сел в поезд дальнего следования на московском Казанском вокзале и выбыл прочь из верховного руководящего города.

Кто был этот только что выехавший человек, который в дальнейшем будет свидетелем героических, трогательных и печальных событий? Он не имел чудовищного, в смысле размеров и силы, сердца и резкого, глубокого разума, способного прорывать колеблющуюся пленку явлений, чтобы овладеть их сущностью.

Путник сам сознавал, что сделан он из телячьего материала мелкого настороженного мужика, вышел из капитализма и не имел благодаря этому правильному сознанию ни эгоизма, ни самоуважения. Он походил на полевого паука, из которого вынута индивидуальная, хищная душа, когда это ветхое животное несется сквозь пространство лишь ветром, а не волей жизни. И, однако, были моменты времени в существовании этого человека, когда в нем вдруг дрожало сердце, и он со слезами на глазах, с искренностью и слабохарактерностью выступал на защиту партии и революции в глухих деревнях республики, где еще жил и косвенно ел бедноту кулак.

У такого странника по колхозной земле было одно драгоценное свойство, ради которого мы выбрали его глаза для наблюдения, именно: он способен был ошибиться, но не мог солгать и ко всему громадному обстоятельству социалистической революции относился настолько бережно и целомудренно, что всю жизнь не умел найти слов для изъяснения коммунизма в собственном уме. Но польза его для социализма была от этого не велика, а ничтожна, потому что сущность такого человека состояла, приблизительно говоря, из сахара, разведенного в моче, тогда как настоящий пролетарский человек должен иметь в своем составе серную кислоту, дабы он мог сжечь всю капиталистическую стерву, занимающую землю.

Если мы в дальнейшем называем путника как самого себя ("я"), то это для краткости речи, а не из признания, что безвольное созерцание важнее напряжения и борьбы. Наоборот, в наше время бредущий созерцатель – это, самое меньшее, полугад, поскольку он не прямой участник дела, создающего коммунизм. И далее – даже настоящим созерцателем, видящим истинные вещи, в наше время быть нельзя, находясь вне труда и строя пролетариата, ибо ценное наблюдение может произойти только из чувства кровной работы по устройству социализма.

Итак, этот человек поехал в отдаленные черноземные равнины, где у открытых водоемов стоят, обдуваемые ветром, глиносоломенные избы мелкоимущественных бедняков.

Езда в вагоне изменилась. Ранее в окно можно было наблюдать лишь пустынность страны, лишь разрозненность редких деревень, расположенных так робко и временно, будто они были сиротами в чужой земле и постоянно готовы исчезнуть. Некогда это были лишь постой бредущего народа, не верующего в свою местную судьбу, ожидающего, когда ему повелят стронуться дальше, где

еще хуже.

Теперь же по бокам железной дороги строились различные пункты, предприятия, конторы, башни, а ярославские и амовские автомобили усердно возили материалы по губительной немощеной земле. Люди стояли на кирпичных кладках и заботливо старались трудиться, уже навсегда осваивая эти порожние убыточные пространства.

На многие сотни километров строящаяся республика не меняла своего беспокойного лица, сияющего свежим тесом на вечернем солнце. Везде можно было видеть железные и кирпичные приспособления для деревенского общественного хозяйства или целые корпуса благодетельных заводов.

– Сколько травы навсегда скроется, – сказал один добровольно живущий старичок, ехавший попутно со мной, – сколько угодий пропадет под кирпичной тяжестью!

– Порядочно, – ответил ему другой человек, имеющий среднее тамбовское лицо, может быть, житель бывшего Шацкого уезда. Он тоже пристально наблюдал всякое строительство в оконное стекло и шептал что-то с усмешкой гада, швыряя между тем какие-то кусочки из своего пищевого мешка в рот. Этот житель старой глухой земли не признавал, наверно, научного социализма, он бы охотно положил пятак в кружку сборщика на построение храма и вместо радио всю жизнь слушал бы благовест. Он верил, судя по покойному счастью на его лице, что древние вещества мира уничтожат революцию, – поэтому он глядел не только на новостроящуюся республику, но также на овраги, на могучие обнажения глины, на встречных нищих, на растущие деревья, на ветер на небе – на весь мертвый порожняк природы, потому что этого дела слишком много и оно, дескать, не может быть истреблено революцией, как она ни старайся. Ветхое лежащее вещество все равно, мол, задавит советский едкий поток своим навалом и прахом. Имея такое духовное предвидение, тамбовский человек скушал еще немного кое-чего и от внутренней покойной расположенности чувств вздохнул, как будущий праведник.

– Бывало, едет воз с молоком, – произнес попутный старичок, – телега вся скрипит, сам хозяин пешком идет, а на возу его баба разгнездилась. А теперь только холодный инвентарь перебрасывают!

- Тракторы горячие, а жизнь прохладная, - сказал тамбовский по лицу человек.

- Вот то-то и горе, - враз согласился старичок.

- Не горюйте, - посоветовал сверху неизвестный человек, лежавший там на голых досках. - Оставьте горе нам.

- Да как хочешь, я ничего! - испугался старичок.

- Да и я тоже ничего не говорил, - предупредил тамбовский житель.

- Бери молоко, - сказал верхний человек и опустил в красноармейской фляжке этот напиток. - Пей и не скули!

- Да мы сыты, кушай сам, ради бога, - отказался старичок.

- Пей, - говорит, - пока я не слез! Я же слышал, ты по молоку скучал.

Старичок в страхе попил молочка и передал фляжку тамбовцу - тот тоже напился.

Вскоре с верхней полки слез сам хозяин молока; он был в старом красноармейском обмундировании, доставшемся ему по демобилизации, и обладал молодым нежным лицом, хотя уже утомленным от ума и деятельности. Он сел на край лавки и закурил.

- Люди говорят, на табак скоро нехватка будет, - высказался старичок. - Семашка не велел больше желчное семя разводить, чтобы пролетариат жил чистым воздухом.

- На - закуривай! - дал бывший красноармеец папиросу старику...

- Я, товарищ, не занимаюсь.

- Кури, тебе говорят!

Старичок закурил из уваженья, не желая иметь опасности от встречного человека. Красноар-меец заговорил со мной.

- С ними едешь?

- Нет, я один.

- А сам-то кто будешь?

- Электротехник.

- Ну, здравствуй, - обрадовался красноармеец и дал мне свою руку.

Я для него был полезный кадр, и сам тоже обрадовался, что я нужный человек.

- А ты утром не соскочишь со мной? Ты бы в нашем колхозе дорог был: у нас там солнце не горит.

- Соскочу, - ответил я.

- Пстой, а куда ж ты тогда едешь?

- Да мне хоть некуда - где понадобится, там и выйду из вагона.

- Это хорошо, это нам полезно. А то все, понимаешь, заняты! Да еще смеются, гады, когда скажешь, что над нашим колхозом солнце не горит! А отчего ты не смеешься?

- А, может, мы зажжем ваше солнце? Там увидим - плакать или смеяться.

- Ну, раз ты так говоришь, то зажжем! - радостно воскликнул мой новый товарищ. - Хочешь, я за кипятком сбегаю? Сейчас Рязань будет.

- Мы вместе пойдем.

– Ты бы ярлык носил на картузе, что электротехник. А то я думал – ты подкулачник: у тебя вид скверный.

Утром мы сошли с ним на маленькой станции. Внутри станции был бедный пассажирский зал, от одного вида которого, от скуки и общей невзрачности у всякого человека заболел живот. По стенам висели роскошные плакаты, изображающие пароходы, самолеты и курьерские поезда, плакаты призывали к далеким благополучным путешествиям и показывали задумчивых, сытых женщин, любующихся синей волжской водой, а также обильной природой на берегах.

В этом пассажирском зале присутствовал единственный человек, жевавший хлеб из сумки.

– Сидишь? – спросил его дежурный по станции, возвращаясь от ушедшего поезда. – Когда ж ты тронешься? Уже третья неделя пошла, как ты приехал.

– Ай я тебе мешаю, что ль? – ответил этот оседлый пассажир. – Чего тебе надо? Пол я тебе мету, окна протираю; намедни ты заснул, а я депешу принял и вышел, без шапки постоял, пока поезд промчался. Я живу у тебя нормально.

Дежурный больше не обижал пожилого человека.

– Ну живи дальше. Я только боюсь, ты пробудешь здесь еще месяца четыре, а потом потребуешь штата.

– Стат мне не нужен, – отказался пассажир. – С документами скорее пропадешь, а без бумажки я всегда проживу на самую слабую статью, потому что обо мне ничего не известно.

Мой спутник, демобилизованный красноармеец товарищ Кондров остановился от такого разговора.

– Имей в виду, – сказал он дежурному, – ты работаешь, как стервец; теперь у меня будет забота о тебе.

С этим мы вышли на полевою колесную дорогу. Голая природа весны окружила нас, сопротивляясь ветром в лицо, но нам было это не трудно.

Через несколько часов пешеходной работы мы остановились у входных ворот деревни, устроенных в виде триумфальной дуги, на которых было написано: "С.-х. коллектив "Доброе начало". Сам колхоз расположился по склону большой балки, внизу же ее протекал ручей, работавший круглый год. Избы колхоза были обыкновенно деревенскими, всё имущественное оборудование было давним и знакомым, только люди показались мне неизвестными. Они ходили во множественном числе по всем местам деревни, щупали разные предметы, подвинчивали гайки на плугах, дельно ссорились и серьезно размышляли. Общим чувством всего населения колхоза была тревога и забота, и колхозники старались уменьшить свою тревогу перед севом рачительной подготовкой. Каждый считал для пользы дела другого дураком и поэтому проверял гайки на всех плугах, только своею собственной рукой. Я слышал краткие собеседования.

- Ты смотрел спицы на сеялках?

- Смотрел.

- Ну и что ж?

- Кои шатались, те починил.

- Починил? Знаю я, как ты починишь! Надел с утра рубаху-баян и ходит! Дай-ка я сам схожу - сызнава починю.

Тот, на котором была рубаха-баян (о сорока пуговицах, напоминающих кнопки гармонии), ничего не возразил, а лишь вздохнул, что никак не мог угодить на колхозных членов.

- Васък, ты бы сбегал лошадей посмотреть!

- А чего их глядеть? Я глядел: стоят, овес жуют, который день, аж салом подернулись.

- А ты все-таки сбегай их проведать!

- Да чего бегать-то, лысый человек? Чего зря колхозные ноги бить?

- Ну, так: поглядишь на их настроенье, прибежишь - скажешь.

- Вот дьявол жадный, - обиделся моложавый Васька. - Ведь я все кулачество по найму прошел, а так сроду не мотался.

- Чудак: у кулака было грабленое, а у нас кровное.

В конце концов Васька пошел все-таки глядеть на настроенье общественных лошадей.

- Граждане, - сказал подошедший человек с ведром олеонафта; из этого ведра он мазал все железные движущиеся и неподвижные части по колхозу, страшась, что они погибнут от ржави и трения. - Граждане, вчерашний день Серега опять цигарки с огнем швырял куда попало. Сообщаю это, а то будет пожар!

- Бреешь, смазчик, - возразил присутствовавший здесь же громадный Серега. - Я их заплевывал.

- Заплевывал, да мимо, - спорил смазчик, - а огонь сухим улетал.

- Ну ладно, будет зудеть, - смирился Серега. - Ты сам ходишь олеонафтом наземь капаешь, а он ведь на общие средства куплен.

- Граждане, он нагло и по-кулацки врет. Пускай хоть одну каплю где-нибудь сыщет. Что он меня мучает!

- Будя вам, - сказал Кондров, - не пересобачивайте общие заботы. Ты, Серега, кури скромней, а ты - капать капай, - колхозу капля не ужасна, а вот мажь - где нужно, а не где сухо. Зачем ты шины-то на телегах мажешь?

- Ржави боюсь, товарищ Кондров, - ответил смазчик. - Я прочитал, что ржавь - это тихий огонь, а товарищ Куйбышев по радио говорил - у нас голод на железо: я и скуплюсь на него.

– Соображай до конца, – объяснил смазчику Кондров, – олеонафт тоже железными машинами добывается. А раз ты зря его тратишь, то в Баку машины напрасно идут.

– Ну? – испугался смазчик и сел в удивлении на свое ведро: он думал, что олеонафт – это просто себе густая жидкость.

– Петька, – сказал малому лысый мужичок, тот, что усрал Ваську к лошадям. – Пойди, ради бога, все избы обежи – пускай бабы вьюшки закроют, а то тепло улетучится.

– Да теперь не колодно, – сообщил Серега.

– Все равно: пусть бабы привыкают беречь сгоревшее добро, им эта наука на зиму годится.

Петька безмолвно побежал приказывать бабам про вьюшки.

– Слухай, дядя Семен! Ты чего ж вчера сено от моей кобылы отложил, а к своему мерину подсунул? Ишь ты, средний дьявол какой, – знать, колхоз тебе не по диаметру!

Дядя Семен стоял, помутившись лицом.

– Привык к мерину, – сказал он, – впоследствии войду – он сопит на меня и глазами моргает, а кругом норма – скотину нечем поласкать, вот и положил твое сено.

– А ты теперь к человеку привыкай, тогда тебя все меренья уважать будут!..

– Буду привыкать, – грустно пообещал дядя Семен.

– Не то пойти крышку на колодезь сделать? – произнес Серега, стоявший без занятия.

– Пойди, дорогой, пойди. С малолетства с мелкими животными воду пьем. Может, при хорошей воде харчей есть меньше станем.

Отошедши с Кондровым в глубь колхоза, я обнаружил, что вправо от деревни, на незасеянной высоте склона стоит новая деревянная каланча, метров в десять-двенадцать. Наверху каланчи блестело жестяное устройство, бывшее, судя по форме, рефлектором; причем оно было поставлено так, что должно направлять лучи неизвестного источника света целиком в сторону колхоза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/andrey-platonov/vprok>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)